

Е.Л.Сузрюкова

ОБРАЗ ХРИСТА В КНИГЕ В.А.НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ЗЕМЛЯ-ИМЕНИННИЦА»

Рассматриваются семантика и мотивы, связанные с образом Христа в книге рассказов В.А.Никифорова-Волгина «Земля-именинница». В цикле рассказов «Детство», открывающем книгу, присутствует Христос как грозный Судия, что соотносится с темой Великого поста и мотивом покаяния. Доминирует в цикле образ страдающего Христа, поскольку семь рассказов цикла включены в великопостное литургическое время, а также образ Христа милосердного, идущего на добровольные страдания ради спасения людей. Эта семантика отражается в церковных песнопениях, цитируемых в тексте. В заключающих цикл рассказах, посвященных праздникам Пасхи, Троицы и Рождества, с образом Христа связаны мотивы радости и чуда. В рассказах вне цикла «Детство», время действия которых происходит в послереволюционной России, ведущей становится тема верности Христу. Здесь появляются персонажи-вероотступники и те, кто, несмотря ни на что, сохраняет православную веру и отдает за нее жизнь. В этой части книги звучат апокалиптические мотивы, но преобладающим остается мотив надежды на духовное возрождение России. Такую надежду дают чудеса с иконой Христа, покаяние отступивших от веры персонажей, страдания мучеников.

Ключевые слова: В.А.Никифоров-Волгин, «Земля-именинница», образ Христа, семантика, литературный мотив

Василий Акимович Никифоров-Волгин (1901—1941) — православный писатель, прославленный в чине новомучеников российских [1]. Он был расстрелян 14 декабря 1941 г. за издание книг антисоветского содержания. В.А.Никифоров-Волгин прекрасно знал русскую классическую литературу, любил богослужение, что отражается в содержании его произведений. Поэтому неслучайно обращение писателя к образу Христа, Который присутствует во многих его текстах.

Первую книгу В.А.Никифорова-Волгина «Земля-именинница» (1937) открывает цикл рассказов «Детство», где Христос упоминается в цитируемых рассказчиком — мальчиком Васей — церковных песнопениях [2], а также в размышлениях ребенка и его близких. Поскольку первые семь рассказов связаны с великопостным литургическим циклом, богослужебные тексты, здесь появляющиеся, говорят о страданиях Христа и Его жертве: «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена доносится» [3, с. 71], «Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша» [3, с. 84], «Людие Мои, что сотворих вам, или чем вам стужих: слепцы ваша просветих, прокаженные очистих, мужа суща на одре возставих. Людие Мои, что сотворих вам и что Ми воздаете? За манну желчь, за воду оцет, за еже любити Мя, ко кресту Мя пригвоздиша» [3, с. 84–85] и т.п. В рассказе «Двенадцать Евангелий», время действия которого приурочено к вечерней службе Великого Четверга, рассказчик говорит о «страстях Христовых» [3, с. 82], а мать Васи связывает необыкновенную тишину, установившуюся в этот день, с тем, что претерпел Спаситель: «В такие дни всегда... Это земля состраждет страданиям Царя Небесного!» [3, с. 83]. Сам Вася даже распятие в церкви видит в этот день по-особому: «Я встал около креста, и голова Спасителя в терновом венце показалась особенно измученной» [3, с. 83]. Вася сопереживает страдающему Искупителю: «Я вспомнил, как Он благословлял детей, как спас женщину от избиения камнями, как как плакал в саду Гефсиманском, всеми оставленный, — и в глазах моих засумерничало, и так хотелось уйти в монастырь...» [3, с. 84]. Вася вспоминает в этот момент ситуации, в которых Христос проявлял милосердие к слабым и беззащитным, а Сам был лишен сострадания, впоследствии, вспоминает проявление человеческой слабости в Нем — свидетельства о том, что Он истинно стал человеком. Однако богослужение в тексте продолжается, оно не утопает в грусти, переживаемой рассказчиком: поются песнопения, прославляющие подвиг Христа, от лица молящихся, просящих у Него покаяния и спасения: «Слава долготерпению Твоему, Господи»; «Разбойника благоразумнаго во едином часе рави сподобил еси Господи; и мене древом крестным просвети и спаси» [3, с. 85].

В первом рассказе цикла — «Великий пост» — наблюдается иной ракурс восприятия образа Христа: не как милующего и спасающего, но в качестве грозного Судии: «Все опустились на колени, и лица молящихся — как у предстоящих перед Господом на картине «Страшный Суд» [3, с. 59]. Введение в текст такого образа Христа мотивировано темпорально: наступила «духовная весна», действие происходит в первый день Великого поста, когда человеку необходимо осознать свою вину перед Богом и покаяться во грехах. В покаянном каноне преп. Андрея Критского, фрагменты из которого рассказчик приводит в тексте, звучит покаянное обращение ко Христу: «Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний; кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление» [3, с. 61]. Здесь смягчается тот грозный образ Христа, который Вася увидел при входе в храм, и тема воздаяния за грехи сменяется здесь мотивом упования на милость Божию (в словаре прот. А.Свирелина «благоутробие — доброта сердца, милосердие, сострадание» [4, с. 18]).

Наряду с такими гранями образа Христа, как страдающий Христос, милосердный Спаситель и грозный Судия, в рассказах данного цикла присутствует и Христос, дающий радость верующему в Него (рассказы

«Исповедь», «Причащение», «светлая Заутреня», «Серебряная метель»). Так, в рассказе «Причащение» Вася ждет события встречи со Христом в Таинстве Евхаристии: «Войдет ли в меня Христос? Достоин ли я?» [3, с. 81]. Само же причащение воспринимается Васей так: «По отходе от Чаши долго не отнимал от груди крестообразно сложенных рук — прижимал вселившуюся в меня радость Христову...» [3, с. 81]. Показательны внутренние изменения, произошедшие с мальчиком после принятия им Святых Христовых Таин: «Весь мир был небесно тихим <...>. И всех на земле было жалко, даже снега, насильно разбросанного мной на сожжение солнцу:

Пусть доживал бы крохотные свои дни!» [3, с. 82]. Радость, внутренний мир, тихость, любовь ко всякому творению Божию — свойства Самого Христа, соединившегося с душой ребенка и преобразившего ее.

Интересно, что мать Васи связывает в этом же рассказе образ Христа с пространством деревни: «А в деревне, сам знаешь, обычаи от Самого Христа идут... деревня-то <...> Божьими садами пахнет, а город керосином и всякой нечистью. <...> Деревенского языка не бойся — он тоже от Господа идет!» [3, с. 78]. Город семантически увязывается здесь с одористическим рядом, представляющим прежде всего машинные, техногенные запахи, а деревня в том же смысловом ключе получает характеристики райского сада. Деревня хранит обычаи старины. Ценностно ее уклад жизни высок для автора, ведь он близок тем условиям, в которых жил и живет Христос. Деревенский язык, неиспорченный модой, тоже соотносится тут с установлением свыше. К примеру, в рассказе «Сумерки», входящем в первую книгу писателя, мы видим такую оценку новомодных слов: «Не стало хороших русских слов, круглых и румяных, как яблоки. С руганью отплевывался он [Григорий Семенович] от всяких там «мерси», «извиняюсь», «абсолютно», «пардон», «мадам» [3, с. 198].

В рассказе «Светлая Заутреня» не менее десяти раз звучат слова пасхального приветствия «Христос Воскресе!». Здесь, помимо евангельского, появляется образ Христа, созданный народной легендой, в соответствии с которой Христос в ночь на Пасху сходит с небес на землю вместе со святыми. «Господь обходит землю, благословляет поля, леса, озера, реки, птиц, человека, зверя и все сотворенное святой Его волей, а святые поют: «Христос воскрес из мертвых»... Песня святых зернами рассыпается по земле, и от этих зерен зарождаются в лесах тонкие душистые ландыши...» [3, с. 100]. Как и в предыдущем контексте, образ Христа сопряжен здесь с миром природы, в данном случае как Благословляющий Свое создание Творец. Очевидна тут тема сближения материального с нематериальным и его одухотворение. Более того, духовное — песня святых, славящих Воскресение Христово, — оказывается источником, первопричиной материального — прекрасных цветов. В цепочке представленных образов, получающих божественное благословение, содержится то, что в книге Бытия описано как созданное в третий, пятый и шестой дни творения, т.е. имеющее в себе жизнь. Пространство города не включено в эту цепочку образов: в момент творения мира его еще не было. Топос леса, дважды упоминаемый в легенде, а также ландыши говорят о русском пространстве, которое благословляет Христос, они подчеркивают близость Бога именно русскому человеку, хранящему православную веру предков.

Наконец, в последнем рассказе цикла — «Серебряная метель», — посвященном теме Рождества Христова, многократно звучат слова из рождественского тропаря, прославляющие Рожденного в этот день. Как и в типичном рождественском рассказе, здесь происходят чудеса: Вася, вопреки своим ожиданиям, получает хорошие отметки в школе; чтец Силантий с «сиплым и пришептывающим» [3, с. 45] голосом, во время рождественской службы вдруг начинает читать «бодро и ясно» [3, с. 47]. В конце рассказа о Христе говорит пришедший к Васе в гости его «однолесток <...> еврейчик Урка» [3, с. 47] такие слова: «Христос был хороший человек!» [3, с. 47]. Эта положительная оценка личности Христа, данная носителем не православной, а иудейской веры, вписывается в общую атмосферу праздничной радости. Потом Вася с Уркой вместе, сидя под елкой, поют рождественский тропарь, где Христос назван Богом и Господом. Таким образом, Урка вначале исповедует человеческую природу во Христе, а затем и Божественную, что фактически означает признание Его Мессией. Это еще одно чудо, происходящее в рассказе на событийном уровне.

Завершают данный рассказ и цикл «Детство» в целом слова из рождественского тропаря, которые Вася слышит даже во сне: «В этот усветленный вечер мне опять снилась серебряная метель, и как будто бы сквозь вздымы ее шли волки на задних лапах, и у каждого из них было по звезде, все они пели: «Рождество Твое, Христе Боже наш» [3, с. 47]. Живая (волки) и неживая природа (метель и звезды) включаются здесь в контекст прославления Христа. Следует отметить присутствующую в этом фрагменте семантику чуда, трансформации, преобразования: звери уподобляются человеку, имеющему дар слова и ходящему на двух ногах, — для того чтобы восхвалить Христа, а звезды спускаются с небес на землю (обозначим тут смысловую параллель с легендой о сходящем с небес Христе в рассказе «Светлая заутреня»). Чудо, осуществившееся во сне рассказчика, и содержащее семантику приближения неба к земле, завершает рассказ и цикл, снимая напряжение и трагизм скорбного великопостного цикла и утверждая смыслы радости, близости творения к своему Создателю, торжества веры.

В первую книгу писателя, помимо цикла «Детство» (10 рассказов), входит еще 22 рассказа. Почти в каждом из них так или иначе упоминается Христос. К примеру, в рассказе «Сумерки» церковь названа «тысячелетним домом Господним» [3, с. 198]; в рассказах «Оскудение» и «Земной поклон» говорится об Иисусовой молитве, которую читают верующие; «Господней красотой» [3, с. 341] названа природа весеннего леса в рассказе «Мати-пустыня»; в ряде рассказов присутствует икона Христа («Странники», «Под колоколами», «Оскудение», «Тревога», «Вериги», «Ветер»); вводится в текст словосочетание «Святые Христовы Дары» («Архиерей», «Чаша», «Земной поклон», «Мати-пустыня», «Тревога»). Но если в цикле

«Детство» прозаик изображал дореволюционную Россию и мир ее православной веры, исполненный радости, то в других рассказах книги «Земля-именинница» предметом изображения в подавляющем большинстве случаев становится Россия после революции, в которой установилась советская власть, принесшая с собой безверие, а нередко и кощунственное отношение к вере. Тем не менее, несмотря на изменения в жизни страны и в сознании многих ее жителей, мир веры, вопреки гонениям, все же сохраняется. Благодаря носителям истинной веры, по мысли писателя, остается возможным духовное возрождение страны. Святотатцы, кощунники и убийцы способны покаяться и обратиться к вере. Как пишет С.Исаков, «даже люди, совершившие преступления, в рассказах В.А.Никифорова-Волгина мучительно переживают свои падения, каются, ждут очищения» [5, с. 336]. Наиболее интересным продолжением мотива кающегося разбойника во второй книге писателя — «Дорожный посох» (1938) — будет пасхальный рассказ «Солнце играет», где актер Ростовцев, желая изначально поглумиться над образом Христа, неожиданно для себя и публики действительно уверует во Христа как в Спасителя прямо на сцене, что перекликается с обращением актеров в первые века христианства к вере непосредственно во время представлений [6].

Апокалиптические мотивы звучат в рассказе «Тревога». о. Сергей в первом из названных текстов задается вопросом: «<...> а не в последнюю ли минуту приобщаем мы мир кровью Христовой?..» [3, с. 277-278]. Надежду на духовное преображение России внушает в этом рассказе образ покаявшегося отцеубийцы: Кузька убил своего отца, старообрядческого начетчика, Аввакума, но, будучи арестованным, проходя мимо окна православного священника, попросил: «Оксти меня, батька» [3, с. 276]. В рассказе «Оскудение», несмотря на все зверства революции, происходит чудо, связанное с образом Христа: «В старой часовне обновился образ Господа Вседержителя! Был совсем как уголь, а теперь озарился неизреченным светом!» [3, с. 282]. Такое событие тоже говорит о возможности духовного возрождения уже послереволюционной России.

В рассказе «Чаша» в центре повествования — мученик за веру, маленький сын отца Виталия, рассказывающего о нем: «Как сейчас вижу его в белом одеянии, как хитон отрока Иисуса, с Чашей Христовой сходящего по ступеням амвона...» [3, с. 375]. Ребенок был убит за то, что хотел спасти от поругания святой потир. Завершается текст намерением священника и рассказчика совершить ночную панихиду по «ангельской душеньке, за Христа пострадавшей» [3, с. 375]. Агрессии красноармейцев и потерявших Бога людей противостоит в рассказах В.А.Никифорова-Волгина готовность верующих пожертвовать собой за Христа. То, что мучениками за веру становятся дети, напоминает о первых веках гонений на христиан.

В рассказе «Ветер» повествуется о появлении обновленцев. о. Петр, о котором говорит «чахлый мужичонка Трифон» [3, с. 293], «даже во Христа как в Сына Божия не верует! Недавно в проповеди сказал, что Господь-то наш, Иисус Христос, обнаковенный человек, на манер Ленина...» [3, с. 297]. Соблюдение чистоты веры стало в постреволюционные времена критерием принадлежности к истинной православной церкви, оно явилось индикатором соответствия человека званию христианина, а для священника — соответствия сану. В рассказе «Архиерей» тоже появляется ряд отступивших от веры священнослужителей: о. Павел Скорбященский, отец Никодим, протодьякон Иорданов. В противовес этому явлению остались те, кто сохранил веру, невзирая ни на что: «Отец Григорий мученическую смерть принял... Пришли к нему во время литургии, раскрыли ему рот, выстрелили в него и сказали: «Мы тебя причащаем...» [3, с. 324].

Страшный рассказ «Голод» посвящен страданиям семьи, из-за последствий революции вынужденной обходиться без пищи. Завершают текст слова рассказчика: «<...> нет ничего более жуткого, когда голодная мать поет колыбельную песню голодному ребенку» [3, с. 360]. Этой колыбельной в рассказе оказалась песенка, начинающаяся словами «Был у Христа Младенца сад». Здесь содержится и утешение умирающим от голода людям, и напоминание о страданиях Христовых. Муки Христа семантически рифмуются в тексте со страданиями голодающей семьи, в которой тоже есть ребенок. В песенке присутствует призыв к подвигу терпения при невозможности изменить ситуацию, а также указание на выход за пределы жестокой земной реальности.

Завершается книга рассказом «Шелуха от семечек», в котором упоминается Плащаница Христова, выносимая во время богослужения на Страстной неделе для крестного хода, символизирующего погребение, а затем помещаемая в центр храма для поклонения и оставляемая там до пасхальной службы. Упоминание Плащаницы, с одной стороны, возвращает читателя к рассказам из цикла «Детство», время действия которых происходит в Великий пост, что организует кольцевую композицию книги, с другой же стороны, указывает на возможность благополучного разрешения создавшейся в стране ситуации: вслед за скорбью должна прийти Пасха.

Итак, первая книга В.А.Никифорова-Волгина «Земля-именинница» делится на две части: к первой относится цикл «Детство» и рассказ «Молнии слов светозарных», в которых доминируют мотивы веры и радости, где часто цитируются гимнографические тексты; ко второй — другие рассказы, чье содержание связано с революцией и ее последствиями, тут преобладает мотив скорби, но вместе с тем сохраняется надежда на духовное возрождение России. Цикл «Детство» открывает образ Христа как грозного Судии, что связано семантически с началом Великого поста и необходимостью покаяния. По мере разворачивания литургического великопостного времени в цикле появляется образ Христа страдающего и вместе с тем милосердного по отношению к людям. Завершают цикл три рассказа, посвященные главным христианским праздникам: Пасхе, Троице и Рождеству Христову. В них с образом Христа сопрягаются мотивы радости и чуда. Следует отметить также связь образа Христа в цикле с миром природы и пространством деревни. Кроме того, в пасхальном

рассказе появляется образ Христа, благословляющего землю и все живое на ней в народной легенде. Добавим, что в цитируемых рассказчиком церковных текстах сохраняются устойчивые метафоры Христа как Света и Солнца правды. Во второй части книги появляются апокалиптические мотивы, сопряженные с революционными событиями, и мотив мученичества за Христа. Здесь происходит испытание веры: то, что было дано человеку в прежние, дореволюционные времена, теперь необходимо подтвердить жизнью. Проверку эту проходят не все, есть даже священнослужители, отрекшиеся от Христа. Однако во второй части сохраняется вера в духовное возрождение России, поскольку есть те, кто веру сохранил, кто пострадал за нее, и те, кто готов пострадать за Христа. Итак, вера во Христа и ее испытание — основная тема первой книги В.А. Никифорова-Волгина.

1. Подробнее об этом см.: Пересторонин Н.В. Молнии слов светозарных: Этот известный неизвестный В.А.Никифоров-Волгин. Киров: Издательский дом «Герценка», 2013. С. 8.
2. Подробнее об этом см.: Осьминина Е.А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство», «Из воспоминаний детства» В.А. Никифорова-Волгина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (716). С. 226-246.
3. Никифоров-Волгин В.А. Ключи заветные от радости. М.: Дарь, 2013. 432 с.
4. Свирелин А., протоиерей. Церковно-славянский словарь для толкового чтения св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других богослужебных книг. Нижний Новгород: Издательство Христианская библиотека, 2008. 272 с.
5. Исаков С. Забытый писатель // Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох. М.: Советская Россия, 1992. С. 330-339.
6. Подробнее об этом см.: Пантелеев А.Д. Из мимов в мученики: истории об обращении римских актеров // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2013. № 13. С. 389-402.

References

1. Perestoronin N.V. Molnii slov svetozyarnykh: Etot izvestnyy neizvestnyy V.A.Nikiforov-Volgin. Kirov: Izdatel'skiy dom «Gertsenka», 2013. S. 8.
2. Os'minina E.A. Teksty tserkovnykh pesnopeniy v tsiklakh «Detstvo», «Iz vospominaniy detstva» V.A. Nikiforova-Volgina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 5 (716). S. 226-246.
3. Nikiforov-Volgin V.A. Klyuchi zavetnye ot radosti. M.: Dar", 2013. 432 s.
4. Svirilin A., protoierey. Tserkovno-slavyanskiy slovar' dlya tolkovogo chteniya sv. Evangeliya, Chasoslova, Psaltiri, Oktoikha (uchebnykh) i drugikh bogoslužebnykh knig. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Khristianskaya biblioteka, 2008. 272 s.
5. Isakov S. Zabytyy pisatel' // Nikiforov-Volgin V.A. Dorozhnyy posokh. M.: Sovetskaya Rossiya, 1992. S. 330-339.
6. Pantelev A.D. Iz mimov v mucheniki: istorii ob obrashchenii rimskikh akterov // Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. SPb., 2013. № 13. S. 389-402.

Suzryukova E.L. The image of Christ in the book by Vasily Nikiforov-Volgin "Birthday of the Earth". In the following article, the semantics and the images related to the image of Christ in "Birthday of the Earth" short stories book by V.A.Nikiforov-Volgin are dealt with. In "The Childhood" short stories cycle that opens the book Christ is presented as a scary Judge, which is in tune with the theme of the Lent and repentance. The image of suffering Christ dominates throughout the cycle as the seven short stories are included in the Lent liturgy time, as well as the image of Christ the Merciful who voluntarily accepts suffering for the sake of saving of people. This semantics is depicted in the canons cited in the text. Motifs of joy and miracle correlate with the image of Christ in the last stories of the cycle that address the holy days of the Easter, the Whitsunday and the Christmas. In other short stories not included in the cycle under consideration, in which the plot takes place in the post-revolutionary Russia, the central topic is being loyal to Christ. Here we come across the apostates and those who keep the Orthodox faith no matter what and who would gladly scarify their lives for it. In this part of the book, there are the motifs of Apocalypses, but the motif of hope for the spiritual resurrection of Russia is predominant. Such hope comes through the miracles with the icon of Christ, repentance of the apostates, and sufferings of the martyrs.

Keywords: Nikiforov-Volgin, "Birthday of earth", image of Christ, semantics, literary motif.

Сведения об авторе. Е.Л.Сузрюкова — кандидат филологических наук, преподаватель; Новосибирская православная духовная семинария, кафедра гуманитарных дисциплин; sellns@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.